

Эта книга посвящается моим родителям — Роберту и Катрин Симмонсам, и родителям моей жены Карен — Верну и Рут Лоджерквистам. Посвящается она также моим братьям — Уэйну и Теду Симмонсам и брату и сестре Карен — Джиму Лоджерквисту и Салли Лэмп.

Но в первую очередь эта книга посвящается Карен и нашей дочери Джейн Катрин — они для меня Вамакаогнака э'кантге, что означает «суть всего сущего».

«Хесету. Митакуйе ойазин» (Быть по сему. И да пребудет вечно вся моя родня — вся до единого)

1

НА СОЧНОЙ ТРАВЕ¹

Июнь 1876 г.

Паха Сапа резко отдергивает руку, но поздно: это похоже на атаку гремучей змеи — призрак умирающего вазикуна перепрыгивает в его пальцы, потом перетекает по руке в грудь. Мальчик в ужасе отскакивает, а призрак огнем опалает его вены и кости, словно ползучий яд. Дух вазикуна, доставляя Паха Сапе боль, прожигает нервы в его руке, а оттуда устремляется в грудь и горло, он колышется и закручивается, как маслянистый густой дым. Паха Сапа чувствует его вкус. Это вкус смерти.

Продолжая распространяться, призрак проходит по всему телу Паха Сапы, и руки мальчика слабеют, наливаясь свинцом. Призрак вазикуна наполняет его легкие жуткой расширяющейся вязкой тяжестью, от которой перехватывает дыхание, и Паха Сапа вспоминает происшествие из своего раннего детства — он тогда и хо-

---

¹ Сочная Трава (или Гризи-Грасс) — перевод индейского названия реки, которая известна под другим названием — Литл-Биг-Хорн (или Литл-Бигхорн). (Здесь и далее прим. перев.)

дить еще толком не умел, — когда чуть не утонул в Танг-ривер. Но, даже невзирая на охвативший его ужас, мальчик, которому еще нет и одиннадцати, чувствует, что это вторжение бесконечно страшнее смерти в реке.

Вот она какая, смерть, думает Паха Сапа, она прокрадывается в человека через его рот, глаза, ноздри, чтобы похитить его дух. Но дух Паха Сапы вовсе не похищен — просто в тело мальчика вселяется чужой дух. Смерть действует тут скорее как ужасный незванный гость, а не как похититель.

Паха Сапа вскрикивает, словно раненый, и ползет прочь от глазеющего на него трупа, пытается встать, чтобы пуститься наутек, падает, встает, снова падает и опять пытается отползти от трупа, он лягается, машет руками, хватая ртом воздух, скатываясь по склону холма — трава, земля, кактусы, конский навоз, кровь и другие мертвые вазичу, — в слепой надежде вытряхнуть призрак из своего тела. Но призрак остается в нем и увеличивается в размерах. Паха Сапа открывает рот, чтобы закричать, но не может выдавить из себя ни звука. Призрак заполняет раскрытый рот Паха Сапы, его горло и ноздри, и противиться ему невозможно. Мальчику как будто залили в глотку растопленный бизоний жир. Он не может дышать. Он становится на четвереньки и отряхивается, как больная собака, но никак не может вызвать у себя рвоту. Поле зрения сужается, перед глазами плывут черные точки. Призрак врезается в него, как нож, уходит в глубь черепа, проникает в мозг.

Паха Сапа падает на бок и наталкивается на что-то мягкое. Открыв глаза, он видит прямо перед собой лицо другого мертвого вазичу; этот синий мундир — совсем мальчишка, может, на пять или шесть зим старше Паха Сапы; мертвый мальчишка вазикун потерял свою солдатскую шапку, а его коротко подстриженные волосы — рыжего цвета. Паха Сапа впервые в жизни видит рыжие волосы; кожа мертвого мальчишки бледнее, чем у любого вазикун в рассказах, которые слышал Паха Сапа, а маленький нос солдата усеян веснушками. Паха Сапа смутно осознает, что изо рта мертвеца не выходит дыхания, что рот этот открыт мучительно широко, словно в последнем вскрике или в готовности укусить Паха Сапу за его перекошенное ужасом лицо, расстояние до которого меньше ладони. Еще он как-то

тупо отмечает, что у вазичу вместо одного глаза кровавая дыра. А другой глаз, открытый и остекленевший, цвета послеполуденного неба, которое видит Паха Сапа за маленьким бледным ухом трупа.

Пытаясь вдохнуть, Паха Сапа смотрит в мертвый глаз, чья голубизна вянет и бледнеет под его взглядом, словно ища какой-то ответ.

— Черные Холмы?

Мимо опять проносятся боевые пони¹, два из них перепрыгивают через тела Паха Сапы и вазичу, но Паха Сапа туманно — отстраненно — осознает, что одна из лошадей остановилась, с нее соскочил воин и присел рядом с ним. Он так же туманно, отстраненно чувствует сильную руку у себя на плече, рука переворачивает его на спину.

Тело одноглазого рыжеволосого мальчишки исчезает из поля зрения Паха Сапы, и теперь он видит присевшего перед ним воина.

— Черные Холмы? Тебя подстрелили?

Присевший на корточки воин строен, кожа у него бледнее, чем у большинства лакота, он вступил в схватку голым, как и полагается хейоке, на нем только набедренная повязка и мокасины, волосы заплетены в две длинные косички и украшены одним белым пером. Боевая раскраска тела стройного воина — градины и молния, что лишь усиливает первое впечатление о нем, будто он и в самом деле живой проводник молнии, хейока, один из созерцателей видений, защитник воинов, который отваживается стоять между народом Паха Сапы, вольными людьми природы, и безграничной яростью существ грома.

Моргнув, Паха Сапа видит камушек в сереге человека и узенький, но заметный шрам, протянувшийся назад от левой ноздри, — старое ранение, оставленное пулей на излете из ружья одного ревнивого мужа; из-за этого шрама губы у воина хейоки чуть вывернуты с левой стороны, что похоже скорее на гримасу, чем на улыбку, — и Паха Сапа понимает, что перед ним Т'ашун-

¹ Порода индейских лошадей, выносливые и неприхотливые, они, несмотря на низкорослость и название, имеют мало общего с тем, что обычно имеется в виду под «пони».

ка Витко, Шальной Конь¹, двоюродный брат старшей жены Сильно Хромает.

Паха Сапа пытается ответить на вопрос Шального Коня, но призрак так сильно сдавил его грудь и горло, что изо рта мальчика выходят только сдавленные звуки. До пылающих легких Паха Сапы доходит лишь тоненькая струйка воздуха. Он снова пытается заговорить, понимая, что, наверное, похож на рыбу, вытасченную из воды, — рот широко раскрыт, глаза выпучены.

Шальной Конь издает звук то ли презрения, то ли отвращения, поднимается и одним ловким движением запрыгивает на спину своего пони, не выпуская ружья из руки, и скачет прочь, а его приверженцы с криками устремляются следом.

Паха Сапа заплакал бы, если б мог. Сильно Хромает так гордился, когда всего четыремя днями ранее в вигваме Сидящего Быка² представлял знаменитого двоюродного брата своей старшей жены приемному сыну, а тут такое беспримерное унижение...

По-прежнему лежа на спине, Паха Сапа раскидывает как можно шире ноги и руки. Он потерял мокасины и теперь впицается пальцами ног и рук в землю, как делал с самого младенчества, когда к нему пришло первое видение «коснись земли, чтобы полететь». И сразу же его захлестывают старые ощущения: будто он цепляется за наружную поверхность быстро вращающегося шара, а не лежит на плоской земле, будто небо висит не над, а под ним, а мчащееся солнце — всего лишь одно из многих небесных тел, несущихся по небу, как звезды или луна.

¹ Шальной Конь (1840–1877) — военный вождь оглала-лакота, возглавивший борьбу индейцев против федеральных властей. Шальной Конь был одним из вождей индейцев во время знаменитого сражения на реке Литл-Биг-Хорн (Сочная Трава) в июне 1876 года. Впоследствии он был вынужден сдаться федеральным войскам и был смертельно ранен одним из солдат. Считается одним из ведущих деятелей индейского сопротивления 70-х годов XIX века.

² Сидящий Бык (1831–1890) — шаман народа хункпапа лакота сиу, выступавший в роли военного вождя во время войны, которую вело федеральное правительство с коренным населением Америки. Был убит индейским полицейским в резервации Стоячая Скала во время попытки ареста.

И с приходом знакомой иллюзии Паха Сапа начинает дышать глубже.

Но то же самое делает и призрак. Паха Сапа чувствует, как тот вдыхает и выдыхает глубоко внутри. И с ужасом, от которого холодеет его хребет, мальчик понимает, что призрак говорит с ним. Или по меньшей мере изнутри Паха Сапы говорит с кем-то.

Паха Сапа закричал бы, если б мог, но его все еще перегруженные легкие затягивают в себя лишь тонкую струйку воздуха. И при этом он слышит, как неспешно и настойчиво призрак нашептывает что-то — резкие и неразборчивые слова вазичу резонируют в черепной коробке Паха Сапы, вибрируют в его зубах и костях. Паха Сапа не понимает ни одного слова. Он прижимает ладони к ушам, но внутреннее шипение и шепот не прекращаются.

Вокруг него, пробираясь среди мертвецов, двигаются новые фигуры. Паха Сапа слышит трели женских голосов — это женщины лакота, и он с невероятным усилием переворачивается на живот и поднимается на колени. Он опозорил себя и своего дядю-отца перед Шальным Конем, но, когда здесь женщины, он не может позволить себе лежать, словно он тоже мертвец.

Встав, Паха Сапа видит, что напугал ближайшую из женщин — он знает ее: это хункпапа по имени Орлиная Одежда, он видел, как она сегодня пристрелила черного разведчика вазикуну по имени Сосок, которого Сидящий Бык называл своим другом. Женщина в испуге поднимает тот же тяжелый кавалерийский пистолет вазичу, из которого убила черного разведчика, поднимает его обеими руками, целится Пахе Сапе в грудь с расстояния всего десять футов и нажимает спусковой крючок. Боек либо дает осечку, либо в патроннике нет патрона.

Паха Сапа на нетвердых ногах делает несколько шагов в ее направлении, но Орлиная Одежда и три другие женщины вскрикивают и бросаются прочь, быстро исчезая в облаках пыли и порохового дыма, все еще ползущих по склону холма. Паха Сапа опускает глаза и видит, что он почти весь, с головы до ног, в крови — в крови его убитой кобылы, крови призрака-вазикуну и других трупов, как человеческих, так и лошадиных, по которым он летел, на которых лежал.

Паха Сапа знает, что должен делать. Он должен вернуться к трупам вазикуна, над которым совершил деяние славы¹, и каким-то образом убедить призрака вернуться обратно в свое тело. Задыхаясь, все еще не в состоянии махнуть едва видимым в дыму воинам или окликнуть их, скачущих в пыли на своих пони, Паха Сапа карабкается вверх к мертвецу, лежащему среди мертвецов.

Сражение снова смещается на юг, пыль и пороховой дым понемногу рассеиваются, уносимые легоньким вечерним ветром, переваливающим через вершину холма, — высокие травы колышутся и шуршат, когда ветер прикасается к ним, — и Паха Сапа видит, что перед ним лежит около сорока мертвых лошадей вазику. Похоже, что большинство из них пристрелены самими синими мундирами. Тел вазику приблизительно столько же, сколько и тел мертвых лошадей, но мертвых солдат раздели женщины лакота, и теперь те выделяются на склоне холма, словно белые речные камни, на фоне коричневой земли, залитой кровью зеленой травы и более темных оттенков разорванного конского мяса.

Паха Сапа перешагивает через человека, скальпированная голова которого раздавлена почти в лепешку. Сгустки мозга повисли на высокой траве, которую колышет вечерний ветерок. Воины или, что вероятнее, женщины вырезали глаза и язык мертвеца, перерезали ему горло. Его живот вскрыт, и внутренности вывалились, словно у забитого на охоте бизона, — осклизлые пряди серых кишок вьются и колышутся, как переливающиеся мертвые гремучие змеи в окровавленной траве, — и еще Паха Сапа отмечает, что женщины отрезали у человека се и яйца. Кто-то стрелял из лука во вскрытое тело вазикуна, и его почки, легкие и печень многократно пробиты. Сердце у мертвеца отсутствует.

Паха Сапа с трудом карабкается вверх по склону. Белые тела повсюду, они распростерлись там, где упали, многие из них рас-

---

¹ Понятие «деяние славы» распространено среди индейцев Великих равнин и подразумевает отважный поступок на поле боя, например удар, нанесенный врагу. Самым отважным считается прикосновение к врагу голой рукой, луком или специальным жезлом. Не менее отважным считается прикосновение к первому убитому врагу. Деяния славы включают также похищение вражеского оружия или коня, привязанного рядом с вигвамом. Индейцы вели «зачет» деяний славы после сражения, за каждое на жезл славы наносилась зарубка или к жезлу привязывалось орлиное перо.

сечены на куски, большинство искалечены и лежат среди громадных кровавых разводов или на собственных мертвых конях, но он не может найти того вазикуна, чей призрак теперь дышит и шепчет глубоко в нем. Он понимает, что в лучшем случае пребывал в полубессознательном состоянии, а потому с того момента, когда он совершал деяние славы над этим человеком, возможно, прошло больше времени, чем ему кажется. Кто-то, может быть какой-нибудь оставшийся в живых вазику, унес тело с поля боя (в особенности если мертвец был офицером), и тогда Паха Сапа может никогда не избавиться от призрака.

Он уже почти уверовал, что того мертвеца нет среди десятков других тел на кровавом поле, но тут видит высокий голый лоб вазикуна, торчащий среди груды белых тел. Раздетое тело полусидит, припав к двум другим обнаженным вазику. Какая-то женщина или воин располосовали его правое бедро, как это делают лакота с телами мертвых врагов, но скальпа с него не сняли. Паха Сапа тупо смотрит на залысины, на светлые, коротко подстриженные волосы и понимает, что скальп просто не стоил того, чтобы его снимать.

Волосы мертвеца очень светлые, то ли рыжеватые, то ли желтоватые. Неужели это Длинный Волос? Неужели Паха Сапа несет теперь в себе, словно жуткий плод, призрак Длинного Волоса? Это кажется невероятным. Какие-нибудь воины лакота и шайенна наверняка узнали бы своего старого врага и сильнее надругались бы над его телом или воздали бы ему большие почести, чем получил этот фактически оставшийся незамеченным мертвец.

Кто-то, вероятно женщина, пронзил тело стрелой высоко над обвислым в смерти, навсегда теперь опавшим белым се.

Паха Сапа опускается на колени, чувствуя, как ему в кожу впиваются отстрелянные гильзы, наклоняется вперед, обеими руками упирается в белую грудь вазикуна, располагая ладони вблизи большой рваной раны в том месте, где с левой стороны вошла первая пуля. Вторая, куда более опасная рана — высоко на бледном левом виске человека — похожа на простую круглую дыру. Веки мертвеца опущены, глаза почти закрыты, словно во сне, и под удивительно пушистыми ресницами видны лишь тонюсенькие полумесяцы белков. Этот вазикун, в отличие от многих других, кажется спокойным, почти умиротворенным.

Паха Сапа тоже закрывает глаза, он с трудом выдыхает слова, надеясь, что они подходят для ритуала.

— Призрак, изыди! Призрак, оставь мое тело!

Паха Сапа повторяет эти судорожные заклинания, давя на грудь мертвеца, он молится шести пращурам о том, чтобы давление повело призрака по его руке и пальцам назад в холодное белое тело.

Рот вазикуна открывается, и мертвец протяжно, удовлетворенно рыгает.

Паха Сапа в ужасе отдергивает руки: призрак словно смеется над ним из своего безопасного гнезда внутри мозга Паха Сапы, — но потом мальчик понимает, что он просто выдавил последние пузырьки воздуха из кишечника, чрева или легких мертвого вазикуна.

Тело Паха Сапы сотрясается, он снова упирается руками в холодную плоть, но без всякого проку. Призрак не уходит. Он обосновался в теплом, живом, дышащем теле Паха Сапы и не собирается возвращаться в пустой сосуд, который лежит теперь среди таких же пустых сосудов его мертвых друзей.

Рыдая, десятилетний Паха Сапа (который всего час назад считал себя мужчиной) снова становится ребенком, отползает от груды тел, падает на землю и сворачивается, как неродившееся существо. Теперь он способен только сосать палец и плакать, скорчившись между заочевенных ног мертвого кавалерийского коня. Солнце красным шаром спускается по пыльному небу к западным горам, его алый цвет превращает небеса в отражение кровавой земли под ними.

Призрак продолжает шептать и бубнить внутри мозга Паха Сапы, и мальчик соскальзывает в некое состояние изнеможения, почти в сон. Шепот и бубнеж призрака продолжают, когда вскоре после захода солнца Сильно Хромает находит Паха Сапу и уносит его, так еще и не пришедшего в сознание, назад в скорбящую и праздную деревню лакота, расположенную внизу в долине.

НА ШЕСТИ ПРАЩУРАХ¹

Февраль 1934 г.

Сейчас должна взорваться голова Томаса Джефферсона. В грубоватом наброске на камне видны разделенные пробором волосы, которые у него опускаются на лоб гораздо ниже, чем у Вашингтона, расположившегося чуть левее и выше относительно проявляющегося Джефферсона. А из белокоричневого гранита под волосами и лбом возникает длинный прямоугольник намеченного вчерне носа, заканчивающегося почти на одном уровне с четкой линией подбородка Вашингтона. Уже проявились нависающие брови, намечены глаза, правый глаз ближе к завершению (если можно говорить о завершении круглого отверстия внутри овального). Но даже неискусственному человеку кажется, что две головы — одна почти готова, другая только проявляется — расположены слишком близко одна к другой.

Как-то предыдущим летом Паха Сапа сидел в тени силовой станции в долине,

---

¹ Шесть Пращуров — индейское название горы, известной в Америке как гора Рашмор.